

УДК 165

Субъект обыденного познания и проблема индивидуального «Я»

Р. Н. Дождикова, кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена исследованию сущности субъекта обыденного познания и проблеме индивидуального «Я». В ней предпринята попытка определить понятие «субъект обыденного познания», рассмотрена структура субъекта обыденного познания и уровни индивидуального «Я».

The Subject of Everyday Cognition and the Problem of the Individual “I”

R. N. Dozhdikova, PhD in Philosophy, Associated Professor

The article is devoted to the essence of “the subject of everyday cognition” and the problem of the individual “I”. The author makes an attempt to define the concept of “the subject of everyday cognition”. The structure of „the subject of everyday cognition“ and the levels of the individual “I” are also considered.

Исследование социокультурных оснований знания и познания с необходимостью требует анализа понятия «субъект обыденного познания», так как этимологически понятие «субъект» означает то, что лежит в основе (основании) любого вида деятельности, и всякое познание начинается именно с обыденного познания. Можно сказать, что процесс «производства» и «потребления» знания начинается на уровне субъекта обыденного познания и зависит от его установок, идеалов, образа мира, образа жизни и «образа человека». Проблема субъекта обыденного познания является актуальной в связи с тем, что именно он и его отношение к миру, в том числе к миру науки, определяет, в конечном итоге, будущее нашей планеты и будущее самого человека. Рассмотрение данной проблемы является важным и в связи с необходимостью критики постмодернистского положения о «смерти автора» и «смерти субъекта». Кроме того, само понятие «субъект» нуждается в дальнейшей конкретизации. Так, В. А. Лекторский рассматривает субъекта как «носителя деятельности, сознания и познания» [1, с. 155]. Однако, по его мнению, такое понимание субъекта (и его внутреннее проявление в качестве «Я») «нуждается в новом рассмотрении» [2, с. 60].

Нам представляется, что *субъект обыденного познания — это не только «носитель» повседневного знания и познания, но и его «творец (единство статичного и динамичного начал)*» [3, с. 9], а также *интерпретатор и потребитель знания*. Можно сказать, что субъект познания является не только активной, но и целевой причиной познавательной

деятельности. Творческое, активное начало составляет сущность субъекта обыденного и научного познания. Действительно, в основании познания лежит активная, творческая, конструктивная и конструирующая деятельность субъекта. Субъекту присуща «активность в создании собственного опыта» [4, с. 11], а также в его «прочтении», осмыслении и применении, то есть в производстве и «потреблении» знания. Как говорил А. Н. Уайтхед, «здесь активность — другое имя для самовоспроизведения» [4, с. 11]. Субъект обыденного познания познает мир «в себе» и «через себя» и, тем самым, он опосредованно познает и созидает себя, свои качества, способности и возможности. «Я есть абсолютный исток, ...ибо мое «Я» заставляет быть для меня ... эту традицию, которую я решаю продолжить, или этот горизонт, расстояние до которого сойдет на нет, поскольку оно не является его свойством, если я не окину его взором» [5, с. 7]. Являясь потребителем знания, субъект обыденного познания осваивает, усваивает и интерпретирует не только обыденное (в том числе традиционное и массмедийное), но и научное знание, формируя определенное отношение к науке, природе, обществу и самому себе. Отсюда возникает проблема адекватного понимания и оценки достижений науки и культуры, ответственного и вменяемого отношения к применению знания, а также проблема борьбы с различного рода фальсификациями и заблуждениями.

Субъект обыденного познания — это «система, имеющая трехуровневую структуру» [3, с. 9] с определенной системой коммуникаций между данными

уровнями. Индивид (индивидуальное «Я»), первичный коллектив, народ — это основные компоненты структуры субъекта обыденного познания. Данным компонентам соответствуют определенные уровни, находящиеся в отношении диалектического взаимодействия единичного, особенного и общего, а также определенные формы самопрезентации («самоописания») субъекта обыденного познания. Так, на первом уровне этой структуры — уровне конкретного индивида (индивидуального «Я») — формами самопрезентации («самоописания») являются дневники, письма, исповеди, автобиографии, интервью, мемуары, афоризмы и «крылатые выражения», произведения искусства; на втором уровне — уровне первичного коллектива (семейного, учебного, трудового) — архивные документы, протоколы, уставы, своды правил, СМИ; на третьем уровне — уровне народа — устное народное творчество (фольклор), летописи, формы общественного сознания (мораль, религия, искусство, философия и др.). Обыденное познание начинается, прежде всего, на уровне человека как представителя конкретной исторической эпохи, коллектива (социальной группы) и народа. Обыденное познание есть отражение экзистенциальной ситуации субъекта обыденного познания.

Согласно В. А. Лекторскому, «сегодня становится ясным..., что индивидуальное «Я» имеет различные неосознаваемые уровни, которые можно интерпретировать даже как разные «Я» [2, с. 60]. По сути, В. А. Лекторский поставил проблему, которую предстоит решить, поскольку теоретическое исследование должно сделать неосознанное осознанным, неопределенное — определенным, «неявное» — «явным».

Нам представляется, что можно выделить следующие уровни индивидуального «Я»: 1) Я как Я (индивидуальная идентичность, самоидентичность), 2) Я как тело, 3) Я как имя (знак), 4) Я как единица (индивид), 5) Я как единственность (индивидуальность) и «инаковость» (по отношению к иным людям и вещам), 6) Я как актер (действующее лицо, «агент действия» и познания), 7) Я как «фигура» (в социальной игре), 8) Я как «проект самого себя», «автор» (себя, своей жизни, своих «произведений») и «образ человека» (по Ж. П. Сартру), 9) Я как другой во мне («собеседник внутри меня») [1, с. 195], то есть совесть, 10) Я как лицо (персона, личность), 11) Я как самость, 12) Я как не-Я, «как другие», «как все» (отсутствие или утрата индивидуальной идентичности). Например, в процессе социальной мимикрии Я выступает как не-Я (конформист, «массовый человек»).

Познание структур повседневности сопровождается первоначальным отождествлением себя с «другими» (Я как «другие», «как все», как не-Я), а затем

познанием себя в них как некоей «от-личности» (Я как «инаковость», как тело, как имя, как единица, как единственность), личности (Я как актер, как «фигура», как лицо, как автор, «проект самого себя» и «образ человека»), самости (Я как самость, как совесть) и индивидуальной идентичности (Я как Я). При этом Я во всех своих ипостасях — «продукт и одновременно условие социально-культурного конструирования» [6, с. 35]. Сегодня особенно актуальной является проблема индивидуального «Я» как «образа человека» в связи с проблемой постчеловека и концепциями трансгуманизма. Особенно опасными являются проекты создания человека «по образу и подобию» машины.

Всякий человек как субъект обыденного познания осваивает и понимает мир сквозь призму своих когнитивных возможностей, как данных от природы (биологические программы), так и заложенных воспитанием, а также социокультурным окружением («надбиологические программы деятельности, поведения и общения», по терминологии В. С. Степина). Это позволяет ему сформировать свою картину мира, которая выступает в качестве способа субъектного конструирования в обыденном и научном познании. С помощью обыденной картины мира, или «мировоззрения эпохи», по терминологии В. С. Степина, конструируются идеалы и нормы обыденного познания. Обобщенная картина человеческого мира, «выражая общее представление о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком» [7, с. 44].

Субъект обыденного познания занимается конструированием, «самовоспроизводством своего переживания» [8, с. 123] в силу своего характера, темперамента, либо следуя логике творчества. Например, Марина Цветаева бессознательно, а, порой, и сознательно создавала для себя ситуацию страдания, ибо именно в этом состоянии у нее возникла та «оголенность чувств и нервов», которые были необходимы для творчества. Для многих художников творчество — это своего рода «препарирование» собственной души, созидание через «самовыплескивание» и «самосжигание». «Цель творчества — самоотдача» (Б. Пастернак) и «самоотречение» (М. М. Бахтин). При этом страдание выступает как способ обыденного познания, познания смысла жизни и себя самого, то есть страдание, «самоотдача» и «самоотречение» — способы конструирования внутреннего опыта субъекта, а также нового знания. А сострадание, сопереживание и сочувствие — способы субъектного конструирования понимания в обыденном познании.

«Внешние реальные вещи» обладают определенной когнитивной активностью, они «вкладывают себя в качестве компонент в наш индивидуальный опыт» [4, с. 16–17]. Кроме того, сам субъект конструирует свой внешний опыт в процессе освоения и преобразования мира, одновременно происходит его «самоконструирование» (например, конструирование тела — body building), «развертывание» его внутренних способностей и талантов, их реализация в творчестве, конкретизируются жизненные цели и планы, проходят проверку временем и делом чувства, принципы, идеалы и убеждения, закаляется воля и характер, шлифуется ум, формируется ответственное отношение к делу. *В этом смысле познание есть синтез различных активностей, конструирования и самоконструирования.* Внутренний опыт субъекта надстраивается над внешним и представляет собой «психологическую транскрипцию» [8, с. 15] его поступков. Однако «нельзя провести точной грани между физической и ментальной конструкциями опыта» [4, с. 18–19], они постоянно взаимодействуют. *Обыденное познание воспроизводит, передает, реконструирует и синтезирует внутренний и внешний опыт субъекта, опыт его взаимодействия с миром своего окружения, его поступков, переживаний, страданий, ошибок, потерь и находок, поиска жизненной правды и себя самого, оно основано на «живом опыте», питает кругозор человека, его мировоззрение и творчество.*

Вектор деятельности субъекта обыденного познания определяется его интересами, а также наличием у него системы «структурированных» и «структурирующих предрасположений», или «габитуса» (habitus). Этот термин обозначает совокупность установок, предрасположений поступать, думать, чувствовать и оценивать определенным образом, причем спонтанно. Габитус действует как «система когнитивных и мотивационных структур» [9, с. 18], которые помогают субъекту «вписываться» в существующую реальность с ее нравственными нормами, запретами, иерархией ценностей и стереотипами мышления. С габитусом и трудовой деятельностью связан механизм адаптации познающего субъекта в мире.

Можно сказать, что *субъект обыденного познания — своего рода функция от практики, системы габитуса и внутреннего «Я».* Всякий раз то, что мы видим, есть совокупный конструкт нашей деятельности, мышления, восприятия, а также эмоционально-волевого импульса: «Человеческий разум не сухой свет, его окропляет воля и страсти, а это порождает ... желательное каждому» [10, с. 22]. Порой «желательное каждому» знание является заблуждением. Заблуждения — это «призраки познания» (Ф. Бэкон) и способы субъектного конструирования

ложной картины мира, обладающие известной косностью и консерватизмом, они могут переходить из поколения в поколение, быть общими для субъектов обыденного познания разных исторических эпох. Например, недавние социологические опросы показали, что заблуждения относительно устройства Солнечной системы, ложные геоцентрические представления свойственны многим людям и сегодня. Таким образом, обыденное познание, рассматриваемое в историческом срезе, имеет как отличительные, так и общие черты (например, заблуждения). Этот вопрос может стать предметом отдельного рассмотрения и исследования.

Субъект обыденного познания выступает одновременно в роли субъекта коммуникаций, так как любое взаимодействие определенного субъекта с объектом и другими субъектами и даже с самим собой, своим внутренним «Я», представляет собой своеобразную коммуникацию. В этом смысле знание как результат общения (коммуникации) есть сообщение. Сообщение — это способ фиксации обыденного знания, а общение — это способ его трансляции. На основе сообщения возникают «отклики», толки, слухи и даже сплетни. Это явление можно назвать «эхо-эффектом». Не все сообщения равным образом конструктивны, для творчества особенно продуктивны сообщения, содержащие «живую мысль». *Любая «живая мысль» живет в мире «откликов» и «перекличек», она конструктивна по своей природе, является своего рода «катализатором» появления новых идей, она «будоражит» и даже «зажигает» мысль. В своем развитии она проходит стадии зарождения («эмбрион мысли»), «вынашивания», созревания и рождения.* Общение, беседа, разговор и диалог являются коммуникативными способами конструирования нового знания в обыденном и научном познании. Так, в процессе разговора как живого общения («мы-отношения») возникает продуктивный обмен мыслями — диалог, порождающий живое знание и живую мысль, «отклики» и «переклички». «Отклики» и «переклички» — это «резонансные» реакции на «живую мысль» и способы конструирования нового знания в процессе особых творческих взаимодействий субъектов обыденного и научного познания. В этом смысле формальное и неформальное общение на конференциях — не только «способ социализации ученых» (Л. А. Микешина), но и продуктивный способ конструирования нового знания и понимания мира, они могут быть катализаторами творческого процесса.

Субъект обыденного познания вступает в коммуникацию с познаваемыми вещами и людьми. Эта коммуникация напоминает отношение Пигмалиона и Галатеи, когда человек «лепит» (конструирует) вещи, «одушевляя» их, внося свой талант, мастер-

ство, искусство, способности; влияет на своих друзей, изменяя их мировосприятие, образ мысли и образ жизни, но вместе с тем меняется и сам, как в процессе самого творчества, так и ощущая на себе влияние (воздействие) измененных (или «конструированных») им сущностей. Это явление можно назвать «эффектом Пигмалиона». Мы творим (конструируем) мир образов, представлений и значений, но и этот созданный нами мир, в свою очередь, меняет («реконструирует») нас. Таким образом, творчество превращается в сотворчество. При этом талант, мастерство, профессиональное искусство — способы субъектного конструирования нового мира и нового знания. Познание — это диалог познающего и познаваемого, каждый из которых играет роль самостоятельного партнера (В. А. Лекторский). Активное взаимодействие познающего и познаваемого лежит в основе формирования (конструирования) образа жизни и мышления, образа самого человека и образа мира.

Итак, в процессе познания мы создаем, конструируем свои представления, а представления, в свою очередь, «реконструируют» нас, наше мировосприятие и миропонимание. Порой мы становимся «заложниками» наших представлений. Об этом хорошо написал Мишель Монтень в своих «Опытах» в главе «О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них». Представления могут быть ошибочными и, вследствие этого, мы страдаем. М. Полани назвал это явление «личностным коэффициентом знания». Познание (в том числе обыденное) без «личностного коэффициента», без субъекта — все равно, «что «Гамлет» без принца Датского, без главного действующего лица» [11, с. 57].

«Поскольку человек вовлечен в условия своего существования, то и вовлеченность познающего субъекта является не препятствием, а необходимым инструментом... познания» [12, с. 93]. Итак, «вовлеченность» (Э. Мунье), увлеченность и «участность» (М. Бахтин) познающего субъекта — «инструменты» познания. Можно также сказать, что «вживание» и «вчувствование» субъекта в постигаемое — приемы (способы) обыденного познания. Субъект познания является активным и заинтересованным участником познавательного процесса, который вносит свои акценты, свою «краску» (значение, смысл) в создаваемую (конструируемую) им картину мира. При этом акцентирование, умение выделить главное, масштаб видения проблем, «близорукость» или «дальнозоркость» выступают в качестве способов субъектного конструирования жизненной правды и истины, ошибок и заблуждений в обыденном и научном познании.

Особенности возрастного менталитета субъекта обыденного познания проявляются в характере извлечения информации и в способе ее «прочтения». Гёте говорил о том, что ребенку присущ реализм, юноше — идеализм, зрелому человеку — скептицизм, а старику — мистицизм [13, с. 369]. Можно рассматривать возрастной реализм, идеализм, скептицизм и мистицизм как способы субъектного конструирования в обыденном познании. Субъектное конструирование в обыденном познании проявляется и в том, что познающий субъект «извлекает» («вырезает») из реальности именно то, что соотносено с его действиями (деятельностью), потребностями тела и души, целями и идеалами. Например, «поэт концентрируется на деревьях для того, чтобы извлечь слова» [4, с. 12]. Все формы активности субъекта, его поступки, поведение, общение, а также чувства, намерения, увлечения (хобби), привычки, труд, творчество, жизнь, а также «декорации», в которых они «протекают», составляют основные «эпистемологические сюжеты» (В. А. Лекторский) обыденного познания.

Таким образом, субъект обыденного познания имеет диалектическую природу, представляет собой единство статичного и динамичного начал, активную причину, подлинный исток и цель познания. На уровне субъекта обыденного познания начинается процесс производства, интерпретации и потребления знания, его «апробация». Обыденное познание — это отражение экзистенциальной ситуации субъекта обыденного познания, оно связано с постижением смысла жизни и страдания, определением жизненных задач, выявлением путей и механизмов достижения жизненных целей, а также с идеалами и нормами жизни, деятельности и познания. Рассмотрение структуры субъекта обыденного познания и уровней индивидуального «Я» позволяет эксплицировать не только динамику обыденного познания, но и процесс социокультурного программирования в структурах повседневности, а также способы субъектного конструирования в обыденном познании.

Список цитированных источников

1. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. — М., 2001. — 255 с.
2. Лекторский, В. А. Эпистемология в контексте теоретического мировоззрения: 20 лет спустя / В. А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. — 2004. — № 2, т. 2. — С. 56–64.
3. Дождикова, Р. Н. Субъект образа жизни: сущность, структура, динамика: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. Н. Дождикова. — Минск, 1988. — 18 с.
4. Уайтхед, А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / А. Н. Уайтхед. — Томск, 1999.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — СПб., 1999.

6. *Лекторский, В. А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке / В. А. Лекторский // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. – М., 2009.

7. *Степин, В. С.* Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – М., 1992.

8. *Луман, Н.* Самоописания / Н. Луман // Эпистемология и философия науки. – 2005. – № 3, т. 5. – С. 118–134.

9. *Бахтин, М. М.* К философии поступка. Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. – Киев, 1994.

10. *Бурдьё, П.* Структуры. Habitus. Практики / П. Бурдьё // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995.

11. *Бэкон, Ф.* Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М., 1972. – Т. 2.

12. *Полани, М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М., 1965.

13. *Мунье, Э.* Персонализм / Э. Мунье. – М., 1992.

14. *Гете, И. В.* Избранные философские произведения / И. В. Гете. – М., 1964.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.09.2010 г.